

Все слышали о празднике Нептун: кто впервые пересекает экватор на судне, того полагается обливать заботной водой. Достигнув экватора года, читающая публика попала под ушат бо-

драющей влаги от Дмитрия Быкова. Прославленный поэт, прозаик и просветитель в одной из своих лекций обрушился с неожиданно резкими нападками на Иосифа Бродского.

“Именно поэты этого типа и класса — самоироничные романтики или сентименталисты романтического склада — особенно чувствительны к оскорблениям, глухоте, пренебрежению”.

От какого наследства отказываются?

То есть в 2009 году, когда вышла книга, Бродский для Быкова был однозначным положительным персонажем и как поэт, и как личность. А вот что Быков говорит о нём в своей нынешней лекции:

“Бродский замечательный выразитель довольно гнусных чувств — зависти, ненависти, мстительности, принадлежности к какой-то большой корпорации, к народу... А с чувствами благородными у него не очень хорошо”.

Чем объяснить этот разворот взгляда и тона? Вскрылись новые обстоятельства биографии поэта? Были опубликованы неизвестные ранее стихи? Ни то и ни другое.

В иудаизме есть экстремисты кашары, считающие, что один лишь взгляд нееврея (скажем, из-за сосед-

него столика в ресторане) делает кошерное вино некошерным. Вот и у Бродским произошло примерно то же: его глазили нехорошие люди.

Хватило книги Владимира Бондаренко “Бродский. Русский поэт” и пары юбилейных колонок в “лоялистской” газете “Известия”, чтобы либеральная интеллигенция (а Быков в литературной части один из её вождей)

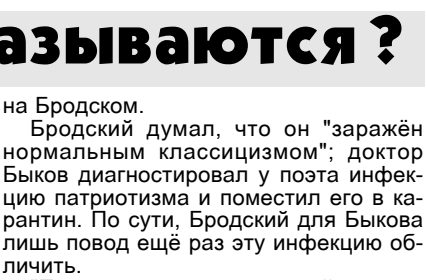
Игорь КАРАУЛОВ

принялась вычёркивать Бродского из своего читательского меню.

Конечно, в русской литературе всегда были фигуры, от которых продвигнутая публика воротила нос. Есенин,

кого зверя в клетку — что ж, не входил, получается?

Наконец, не было бы большой ошибкой сказать, что аудитория самого Быкова — это в значительной мере аудитория, воспитанная

на Бродском.

Бродский думал, что он “заражён нормальным классицизмом”; доктор Быков диагностировал у поэта инфекцию патриотизма и поместил его в карантин. По сути, Бродский для Быкова лишь повод ещё раз эту инфекцию обличить.

“Потому что патриотический дискурс — это умение извлекать наслаждение из гнусностей”.

Да, давно нам пора узнать, что и Пушкин в “Полтаве”, и Лермонтов в “Бородино”, и Блок в цикле “На поле Куликовом”, и Ахматова в “Мужестве” тем именно и занимались, что извлекали наслаждение из гнусностей.

Обо всём этом, может, и не стоило писать, если бы мы тут столкнулись с извиевом ума оригинального одиночки. Но я боюсь, что Дмитрий Быков поддался более общей тенденции, “страсти к разрывам”, которая всё более овладевает либеральным сектором нашего общества.

Здесь, несомненно, есть влияние Украины. Многие российские либералы превратились теперь в “политических украинцев” и все на свете меряют на украинский аршин, который ощути-мо короче русского.

Русская всеотзывчивость? Не слышали о такой. Вместо неё тут господствует узость исторического и культурного горизонта, мелочность обид, воля к проведению разделительных линий: “кто не с нами, тот против нас”.

Бродский же не первый полетел за

диоактивный полоний.

Чувствуете? Одна и та же история приобретает совершенно разные оттенки. А следом меняется сама история.

В соответствии с бесконечно меняющимися условиями игры под названием

Хорошо забытое новое

— которые спустя века извлекают на свет современные авторы, наивно полагая, что изобрели велосипед.

Так что же сюжет? Уходит вместе с ними? Как бы ни так! Это эпохи меняются, меняется быт, стиль, ассоциации. Но люди — люди почти не изменились за тысячи лет. Почитайте одного из немногих “вечных” авторов — Гомера. И вы поймёте, что древний слепец был не глупее, если не мудрее большинства наших с вами современников. И так же, как вечны его творения, вечны и описанные им сюжеты. Почему я не говорю “придуманные им”? Да потому, что до Гомера было такое же бесчисленное множество рассказчиков, которым повезло меньше, и чьи устные “творения” попросту затерялись в веках. Но готов поспорить на бутылку “Мартеля” — сюжетные повороты были у них были те же самые.

Неужто литература вообще не развивается? Может, дело не в сюжетах, а в героях? — Уж теплее. Хотя я уже вырастил своё мнение, что человеческая природа ничуть не изменилась. Изменились лишь условия квеста, в котором живёт каждое последующее поколение. Если античный завистник просто отрубал обидчику голову, то шекспировский — уже тайком капал яд ему в ухо, а наш современник — подкидывает врагу ра-

— Да, ладно вам, товарищ капитан. — Что ладно, взять того же тебя. — Зачем? А впрочем, можно и взять. — Перков решительно вырвал огурец изо рта. — Вот вы говорите, — пошли дальше нас? — Да. — А я, может быть, пошёл дальше Блока. Капитан не понял, откинулся на спинку стула. — Да, да. Помните: “Ночь, улица, фонарь...”? — Не помню. — Так вот, пока они

Руслана ЛЯШЕВА

борт; ещё раньше с корабля рукопожатной современности были сброшены и Новелла Матвеева, и Юнна Мориц. Последнюю недавно разоблачил филолог Ян Пробштейн: мол, ещё в 1966 году она как-то неправильно выступала на писательских собраниях, так что её последующее “моральное падение” (протест против бомбёжки Белграда американцами) было пред-решено.

Воля “политических украинцев” к идейной полициейщине доходит до курьёза. Я по простоте душевной думал, что поэт Игорь Иртеньев и его супруга Алла Боссарт, тоже поэтесса, — образцы рукопожатности, ничем не отличающиеся от других известных образцов, один к одному, как луховицкие огурчики.

Но есть, оказывается, нюансы: недавно поэт Александр Самарцев, эмигрировавший в Киев, подверг сию чету остракизму (т.е. забанил в социальной сети Facebook) за имперский синдром. В то же время поэт Алексей Цветков, фанатичный сторонник украинского национализма, послал чёрную метку поэту Виктору Куллэ — умеренному либералу и, кстати, большому специалисту по Бродскому.

Словом, на палубе корабля, прохлядающего экватор года, творится такая пиратская махаловка, что Нептуну впо-ру было бы не новичков обливать, а забираться с ногами на фальшборт, как арбитру в канадском хоккее.

Что ж, если либеральное течение стало разделяющей силой в нашей культуре, то патриоты просто обречены на объединяющую миссию. Не искать врагов. Не высчитывать ненадежные элементы. Прощать творцам слабости и брать у них лучшее.

Тем более что доброе слово уже показало себя эффективным оружием: Бродского-то отбили, Бродский наш! Надо развешивать наступление. Не замкнуться ли теперь... да хоть на того же Окуджаву? Говорят, некоторые его песни популярны у донбасских ополченцев. Разве это не повод сбросить его с либерального корабля?

А мы подберём, мы всех подберём.

В последнее время на книжном рынке царит паника. Авторы септуют на мрачное будущее литературы в связи с катастрофическим падением тиражей. Оно и понятно: бумага сдвигает позиции, вытесняемая электронной контентом. Авторы вышвыривают в интернет, где их, усмеявшись, поджидают пираты.

Конечно, вопрос серьёзный, что там, впереди — бумага или электронные книги. Но вы же понимаете, что проблема будущего литературы совсем не в смене носителя. Был ведь до бумаги пергамент, а до этого — папирус. А ещё раньше вообще никакого носителя не было — тексты передавались устно, причудливо меняясь с каждым разом, как в игре “испорченный телефон”. И ведь ничего страшного — дошли до нас-таки и “Илиада”, и “Одиссея”.

Так что читателя, а ещё больше — автора, заботит не носитель, а само произведение, основой которого, как известно, является сюжет. Есть, конечно, и бессюжетные произведения, которые мы не рассматриваем, так как интересные они разве что критикам и всяким литературным сектантам. А читателю всегда нужно мясо. То есть, сюжет.

И вот тут нас пугают: мол, скоро авторы испишутся до конца, завалив макулатурой прилавки, и ничего нового создать станет невозможно. Некоторые радикалы от литературы вообще утверждают, что основных сюжетов всего

несколько десятков, а то и вовсе шесть-семь. И от этого мне, как автору, очень тревожно: как же так — я, кто же, не успею создать ничего действительно оригинального? Правда, тут же на ум приходит аналогия про ноты, которых, как

Владислав ВЫСТАВНОЙ

известно, всего семь — как тек самых “основных сюжетов”. А новая музыка всё льётся и льётся, как из Рога изобилия.

И тогда появляется одна простая, но любопытная мысль. Ещё древние сказали: всё уже было до нас. А значит, попытки придумать нечто “оригинальное” — это не более, чем попытки извлечь на свет “хорошо забытое старое” — даже, если автор сам об этом не подозревает.

Ужас? Кошмар? Позор? — Ничуть. Много ли произведений прошлого мы помним? Где все эти рыцарские романы, которыми зачитывался Дон Кихот, прежде, чем у него “поехала крыша”, и он отправился навстречу приключениям? Я вам скажу где: там же, где 99 процентов мировой литературы и там же, куда медленно, но верно едет и герой Сервантеса со своим оруженосцем.

В забвении. Жутко? Жалко? Наверное. Но знаете, есть такое удивительное свойство человеческой памяти — способность забывать. Казалось бы: кто же не хочет помнить всё до мельчайших подробностей, а? Ответу: лично я — не хочу. Потому что это, как минимум, лишит меня приятной возможности перечитывать любимые книги. Ведь перечитывать можно, что слегка подзабыто.

Ну а пишут — то, что забыто основательно... Подозреваю, что в меня уже

Противник уронил свою рапиру, натёртую ядом, она в пылу схватки оказалась в руках Гамлета, благодаря чему смертельный удар достался не принцу, а его врагам — новому мужу королевы и его сыну-фехтовальщику.

душком.

Безусловно, возможности эстетики постмодерна безграничны, можно сказать по аналогии с поговоркой: постмодернизм что дышло, куда по-

вернул, туда и вышло.

В Москве в этом 2015-м году проходит Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова. 13 мая я в театре им. Моссавета смотрела французский спектакль по Мольеру. “Мещанин во дворянстве” воплотился в жанре балета-комедии. Зал взрывался хохотом от партера до балкона через каждые пятнадцать минут. Это тоже постмодерн, но как всегда у французоз всё как-то сияет, то есть постмодерн с человеческим лицом. Главный герой мечтает выдать дочь замуж за вельможу и против её брака с простолудником. Тогда друзья жениха разыграли тщеславного папашу, он во всё поверил и важно воспекает о “новом” женихе, дескать, он — сын турецкого султана. В зале от хохота чуть не обвалился потолок. Великолепно воплощённая средствами балета и разговорного жанра пародия!

С этой сценой перекилдается эпизод из романа “Ларочка”, в которой блудный зять поэт Перков, вернувшийся через 18 лет к жене Ларисе и сыну Егору, вместе с тестем Коневым смотрит телевизор и разглагольствует о своих достижениях в поэзии... Не пожалеем места для цитаты.

В теледебатах с Хакамадой “Лариса работала топором. Летели щепки, всем окружающим приходилось уворачиваться. Ведущий торопливо грёб к берку дискуссии. Когда всё кончилось, капитан сиял, поэт философски улыбался. Они выпили.

— А всё-таки, согласись, пришло время баб. — Что? — не понял Перков. — Ну, вот посмотри, что такое мы. Сидим как овощи на даче, а все они, они вертятся. Всё в свои руки взяли. — Скажем так, не всё. — Нет, они пойдут дальше нас. Такие, как Ларка, конечно, редкость. Она да Нарочицкая, и всё. Но чую, их время впереди.

там собачится, я пошёл намного дальше: “Ночь, улица, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь...”

— Слушай, заткнись! — Фонарь уходит в бесконечность, бесконечная улица с односторонним движением — это сама наша жизнь!

Капитан Конев махнул на него рукой” (стр. 365-366).

Потолок в театре от хохота зрителей точно бы обвалился, если бы хаваество поэта Перкова, как он пошёл дальше Блока, озвучить на сцене с комедийными мимикой, интонацией и балетными танцами, как это совершили французские постановщики Мольера в стиле постмодернизма.

Да, характер главной героини романа Ларочки — крепкий орешек. У читателя появляется настроение бодрости, такое же, какое было у зрителя телемоста между Москвой, Донецком и Симферополем. Сказывается, наверное и то, что автор Михаил Попов родился в Харькове, на Украине. А когда сидят вместе москля, хохлы и белору-сы (роман начинается в Белоруссии), конечно, царит бодрость.

Лариса со школьных лет отличалась, по оценке учительницы, “избыточной активностью”, дочь офицера всегда стояла за справедливость. Куль-

турным центром старинного города Гродно, куда переехалась Конев, был Дом офицеров. Лариса сразу же записалась в пять кружков. Училась отлично и умудрялась быть одновременно формальным и неформальным лидером.

Её активность не оставляет её на всех этапах жизненного пути. В Гродно студентка пединститута пожалела поэта, обиженого на литературном объединении пренебрежением, и бросилась защищать от невзгод. Неблагодарный бросил благодетельницу и исчез надолго. Появился Перков перед Ларисой в Москве, когда сына Егору исполнилось 18 лет.

Семейство вновь соединилось, всё вернулось на круги своя. Лариса купила в Подмоскovie большой дом, где всем хватило места — матери, отцу, мужу, сыну, невестке и внучке. Только бабушка Виктория Владимировна, удерживаемая воспоминаниями о скандале и своём прегрешении перед дочерью Ниной Семёновой, осталась в Белоруссии и тихо умерла.

Не удивительно, что Лариса вместе со страной переживает огромные потрясения. Перед ней прошло множество людей: столичная среда обрисована Михаилом Поповым живописно. В эпоху перемен, как убедилась Лариса, всё оказалось шатко, ненадёжно и далеко от идеала справедливости.

Патриотичность генерала Белугина обернулась блефом и предательством по отношению к ней. Религиозность друзей оказалась поверхностной, они готовы оправдать патриарха, который мог бы в 1993 году остановить расстрел парламента, но не проявил инициативы. Только остатки “избыточной активности” удерживают Ларису на плаву.

Она готова и дальше бороться за справедливость, за благополучие Родины и доказывает это участием в теледебатах. Но Лариса, чтобы устоять на ветрах истории, нужен тыл. Судьба словно пожалела её и после немалых душевных мытарств наградила семейным кругом (слова Евгения Онегина к Татьяне Лариной: “Когда бы жизнь семейным кругом я ограничить захотел...”). Лариса, подсаживает писатель читателю, “семейным кругом” не ограничится.

И хорошо! Михаил Попов утверждает именно такой характер. Не потребителя, не бизнес-вумен, не хищницу, а человека с идеалом в душе: деятельного и справедливого. Такой сейчас и нужен России. Книга талантливого прозаика читается легко и с интересом. Она посодвигает утверждению актуального характера в нашей жизни.

Разговор, а точнее испышка, которая заставила написать эту реплику, была накануне 9 мая.

Мы собрались с коллегами перед концом рабочего дня выпить чашку чая и разговор, конечно, пошёл о дне Победы. И вот, уж не помню почему, одна молодая женщина заявила, что русские солдаты вели себя в Германии не лучше немецких солдат в России.

Дальше она начала сыпать страшными примерами об изнасилованных девочках, о расстрелянных мальчишках... говорила, что её папа-историк и всё знает. Я взорвался, пытался возражать

Реплика

очень эмоционально, неуклюже.

Но самое неожиданное для меня — её поддержали и некоторые сослуживцы, а остальные молчали...

Молчали.

Я начал рассказывать про ребяташек из белорусского детского дома, которых бросили при отступлении воспитатели и которых действительно подкармливали немецкие солдаты...

Я не досказал. Я услышал, как одна девочка сказала соседке: а те девочки, что жили с немцами, очень неплохо жили. А соседка кивала, попивая чаёк.

Язык у меня отсох и чашка чаю стала камнем. Я не мог больше ничего сказать, не сказал тогда, что тех пацанов из детского дома, те же немецкие солдаты, а быть может и не совсем те, организовано посадили в вагоны и отправили далеко... в Освенцим.

Это мне рассказывал, уж давно, один из выживших пацанов.

Я ушёл...

Что происходит?!

Как по глухому, больному лесу продираться к свету, а тут перед тобой топь и чёрные заросли.

Этот разговор перед днём Победы заставил меня написать эту недипломатичную реплику.

Итил — что-то страшное, звериное рвётся по Ближнему Востоку, круша армии, города, вырезая людей, взмываясь к небесам чёрными флагами в песке пустыни и в бесконечной Воле. По Ближнему, по Ближнему.

Что их гонит на смерть?

Перед глазами чёрно-белый прицел. Вертолёт завис над людьми, собравшими зачем-то вместе. Это просто мужчины и женщины — без оружия, в рубашках с короткими рукавами, толстые и худые, с усами и без...

Бах, и их разносит в клочья... на их земле. Там ещё передали трёх стрелявших за кадром. Какая разница, что Ирак или Сербия, или Украина... или Россия.

Вот представьте, увидите — утром у сельского магазина собираются люди, наши люди — вон Никола пришёл за папиросами, а там баба Маня за утешным хлебом, а там мужики на опохмелку собирают, да просто к открытию пришёл потреться народ... И я, ты, мы видим чёрно-белый прицел, видим, как какая-то заморская блдья... по ним... из авиационного пулемёта!!!

Вот когда выходит Зверь! Этот Зверь возьмёт себе в сердце с автоматом ту правду, которая поведёт его карать. Тот иракский лейтенант, которого унизили, распотлаги его Родину, его народ, взял себе ту правду, которая оказалась рядом, и для него неважно, какая она эта правда — а с ней ей встал карать!

И он будет карать всех — и заморских убийц и тех, кто лёг под них, под чужую волю.

Это не наша война. Её горький ветер не долетает до нас. Мы только вздыхаем, когда нам показывают зверей в человеческом облике, парней с калашами на БТРах под чёрными флагами...

А зверь-то не тот!

Зверь в хорошем костюме, зверь принимает каждый день душ не по разу, зверь заходит к нам в дом, он говорит разные умные разговоры, он логичен, а если и не логичен, то всегда убедителен. Зверь покупает наших политиков, нашу культуру, нашу землю. Зверь учит думать, как он.

Зверь делает из нас, из наших детей понимающих его, оправдывающих его, восхищающихся им существ. Вот уже и наши киношники делают свои поделки по его звериным стандартам, а следом и реклама по тем же стандартам.

Звериный стандарт виден на каждой обложке лакированного журнала. Что журналы и театры — министерство образования по ним сверяется. Жрём по их стандартам. Что дальше?

Давно, когда я был ещё молодым специалистом, дорога свела меня с майором ПВО. Мы с ним крепко тогу выпили и он кратко, как бы вспомнив то, что жгло его, сказал: а нас вьетнамцы собой закрывали. И всё...

Помните ту голую вьетнамскую девочку на дороге среди смерти? Тот майор помнил это не по фото. Он щитом встал на пути зверя.

А вьетнамский мальчишка шёл карать, карать, карать!!!

Нет, у меня не может быть ненависти к Америке. Разве можно ненавидеть Хемингуэя, Драйзера, Стенбека... разве можно отказаться от Джека Лондона?.. Но сын Волка должен бояться Русский но.

Бессмертный Полк — это наш воздух, наш хлеб, наша вода.

Но тот разговор перед 9 Мая ведь был. Оплятелись вокруг, вы увидите людей озабоченных только своим успехом. Послушайте голоса креативных глумил — они лезут настойчиво, по всем правилам и стандартам зверя к нам, в наши семьи.

Не надо обольщаться георгиевскими ленточками. Ради успеха зверь не только ленточку повяжет, он и спойёт, и, если надо, то и в полицейской застенке зубы выбьёт.

Солдат-освободитель в Третье-парке — наш старший брат. Он не даст нам стать зверем. Другой правды у нас нет.

Влад ЧЕРЕМНЫХ